
ЛИЯ НАРЕЛЬ
МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ НЕ ВЛЮБЛЯТЬСЯ

Лия Нарей

Мы договорились не влюбляться

«Автор»
2026

Нарей Л.

Мы договорились не влюбляться / Л. Нарей — «Автор», 2026

Есть ночь, которую она не помнит.И человек, который не может её забыть.Сонite двадцать, и пять лет ей снится одно и то же: звон разбитого стекла. Откуда у неё шрам на ладони, она не знает. Чей серебряный кулон лежит на дне её шкатулки — тоже.Кристиана она встречает на балконе чужой вечеринки. Он немногословен, спокоен и смотрит на неё так, будто знает о ней больше, чем она сама.Чтобы всё было просто, они записывают шесть правил. Никаких «потом». Никаких вопросов о прошлом. Не врать. И главное — не влюбляться.Но правила работают, пока нечего скрывать.А скрывать есть что. Даже той, кто об этом не знает.Однажды в три часа ночи ей приходит сообщение с пустого аккаунта.Кто-то помнит всё.

© Нарей Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Никаких «потом» 7
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 30
Глава 7 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лия Нарей
Мы договорились не влюбляться

Заметки в телефоне

1. Никаких «потом».
2. Не знакомить с друзьями.
3. Не ревновать.
4. Никаких вопросов о прошлом.
5. Не врать.
6. Не влюбляться.

Пролог

Пять лет назад

Ника плетёт мне косу на заднем сиденье и ругается, что я верчусь.

— Сиди ровно, Сонька. Криво же будет.

— Ты тянешь.

— Я не тяну. Это у тебя волосы такие. Непослушные. Как ты.

Машина едет через какой-то промышленный город. За окном трубы, заборы, рыжие фонари. Пахнет металлом и мокрыми листьями. Мне пятнадцать лет, и меня взяли туда, где все старше. Я сижу очень прямо и стараюсь не улыбаться, чтобы Ника не подумала, что я радуюсь.

Я радуюсь.

— Там будет Марк, — говорит Ника. — Не обращай на него внимания, если он будет дурачиться. Он хороший. Просто громкий.

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. — Она затягивает косу и перевязывает кончик резинкой. — Готово. Покажись.

Я поворачиваюсь. Ника смотрит на меня и вдруг улыбается — так, как улыбается только мне, когда никто не видит.

— Красивая, — говорит она. — Только платье велико.

— Это твоё платье.

— Я знаю. Вот поэтому и велико.

* * *

Ворота тяжёлые, кованые. У ворот — будка с зелёной лампой. За воротами — сад, фонари на деревьях, музыка из большого белого дома. Высокий парень в светлой рубашке раскидывает руки и кричит:

— Ника! И мелкая! Мелкая приехала!

Я краснею и делаю вид, что мне всё равно.

За его спиной, чуть в стороне, у крыльца, стоит ещё один. Худой, в длинном сером шарфе. Он не кричит. Он просто смотрит на меня и чуть заметно кивает. Как взрослому человеку.

Мне это нравится больше, чем «мелкая».

* * *

Третий час ночи. Музыка стала громче, люди — тише. На веранде кто-то смеётся. Нику я не вижу уже полчаса.

Я стою в саду, на мокрой траве, и смотрю на воду.

Вода чёрная и неподвижная, как стекло. А у самого берега, на камнях, стоит маленький домик. Совсем прозрачный. Внутри у него горит свет — белый, яркий, такой, что больно глазам. Он светится в темноте, как фонарь. Как аквариум. Как что-то, к чему нельзя не подойти.

Мне холодно. Я обхватываю себя руками за плечи.

Где-то там, внутри, мне кажется, мелькает светлый затылок. Никин.

Я иду на свет.

Часть первая. Никаких «потом»

Глава 1

Сонита

Я вышла на балкон, потому что внутри было слишком много людей, которым нечего было сказать друг другу. Включая меня.

Дверь за спиной отрезала музыку наполовину, и сразу стало слышно город: шорох шин по мокрому асфальту, далёкую сирену, чьи-то голоса во дворе-колодце. Ночью Петербург звучит иначе — тише и честнее, как человек, который наконец перестал делать вид, что у него всё хорошо.

Я плохо сплю с пятнадцати лет. Врачи называли это тревожностью, мама — переходным возрастом, а я никак не называла. Просто ночью мне легче там, где громко. В тишине собственной квартиры всегда слишком хорошо слышно то, о чём не хочется думать.

На балконе уже кто-то был.

Он стоял у перил спиной ко мне и смотрел поверх крыш, туда, где город растворялся в низком небе. Стоял слишком неподвижно для человека, который просто вышел подышать. Так стоят, когда внутри идёт разговор, который не с кем продолжить.

Я хотела вернуться. Чужая тишина — вещь хрупкая, и входить в неё без приглашения невежливо. Но каблуки уже стукнули о плитку, и он обернулся.

Улыбка появилась на его лице раньше, чем он успел решить, рад ли меня видеть. Я хорошо знаю такие улыбки. Их не носят — их надевают, как пальто перед выходом на холод. Я сама надеваю такую каждый раз, когда открываю дверь в комнату, полную людей.

Но за долю секунды до улыбки было что-то другое. Он посмотрел на меня так, словно ждал увидеть здесь кого угодно, только не меня.

Чужая вечеринка и второй бокал вина превращают в загадку любой взгляд, сказала я себе. И почти поверила.

— Здравствуй, Сон… — начал он и запнулся, совсем коротко, как спотыкаются о порог в темноте. — Сон решила нагулять?

Мне показалось, что он собирался сказать что-то другое. Я подошла к перилам и положила ладонь на холодный мокрый металл.

— Наоборот. Сбежала от него.

— Настолько плох?

— Слишком много показывает.

Я сказала это легко, как говорят о погоде, и сразу пожалела. Такое не говорят незнакомцам. Но он не стал переспрашивать и не сделал сочувствующего лица — только помолчал, будто взвешивал, что ответить.

— Некоторым снам лучше не верить.

— А некоторым людям?

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Тем более.

Он встал рядом — не слишком близко, ровно на том расстоянии, на котором стоят люди, уверенные, что ближе им ещё разрешат. Я отметила это про себя и сделала глоток вина.

— Ты здесь кого-нибудь знаешь? — спросил он.

— Хозяйку, немного. Меня привела подруга, но она нашла кого-то интереснее меня.

— Обидно.

— Нет. Справедливо. Я сегодня плохая компания.

— Не похоже.

— Ты знаешь меня пять минут.

— Иногда пяти минут хватает, чтобы понять о человеке главное.

— И что же ты понял?

— Что ты пришла сюда не веселиться, а прятаться. И что у тебя это отлично получается — со стороны никто не догадается.

Я повернулась к нему. Меня часто разглядывают — на вечеринках, в метро, в очередях. Но меня почти никогда не видят. А он смотрел так, будто видел, и это оказалось неприятнее любого чужого взгляда.

— Ты всегда так знакомишься? — спросила я. — Сразу ставишь диагноз?

— Только когда пациент интересный.

— Плохая шутка.

— Знаю. Хорошие я трачу на тех, кто мне безразличен.

Он смотрел на меня без той липкой оценки, к которой я давно привыкла. Спокойно и внимательно.

— Мы раньше не встречались? — спросила я.

Вопрос вырвался сам, и я тут же на себя разозлилась: худшая фраза для знакомства из всех существующих.

— Нет, — легко ответил он. — Я бы запомнил.

Под рёбрами шевельнулось что-то холодное, как сквозняк из-под двери, которую давно никто не открывал. Я не стала к нему прислушиваться. Я давно научилась не прислушиваться к тому, чего не могу объяснить. Это, пожалуй, единственное, чему я научилась по-настоящему хорошо.

Он снова повернулся к крышам, и на секунду его лицо стало таким, каким я застала его в первую минуту: пустым и очень уставшим. Потом улыбка вернулась на место.

— Кристиан.

— Сонита.

Он повторил моё имя вслух, медленно.

— Красивое.

— Его выбрала бабушка. Она говорила, что с таким именем невозможно быть несчастной.

— И как, работает?

— Бабушка многое обещала, — ответила я. — Она вообще была оптимисткой.

Он не засмеялся. Просто кивнул, как кивают, когда человек сказал больше, чем собирался, и не хотят его на этом ловить.

* * *

Дальше ночь пошла так, как идут хорошие ночи, — без плана. Мы то возвращались в квартиру, то снова выходили на балкон. Кристиан знал здесь, кажется, всех: помнил имена, вовремя шутил, за полминуты становился своим в любом углу. Девушки смеялись чуть громче, когда он подходил, мужчины хлопали его по плечу так, будто он был им что-то должен и они не собирались напоминать.

Я наблюдала за ним через комнату и пыталась понять, где заканчивается его лёгкость и начинается что-то другое. Лёгкость — это ведь не характер. Это навык. Им овладевают те, кому однажды было очень тяжело и кто решил, что больше никто этого не увидит. Я знаю, о чём говорю. Я владею им в совершенстве.

Меня всегда считали открытой. Я могу смеяться громче всех, танцевать до рассвета и поддержать разговор с кем угодно. Люди уходят от меня с ощущением, что знают меня сто лет. И ни один из них не знает ничего.

В дом я впускаю почти кого угодно. Дом потом можно проветрить. В сердце — почти никого. Там проветривать нечем.

К трём часам квартира поплыла. Кто-то танцевал босиком, кто-то доказывал незнакомым людям свою правоту, кто-то исчезал в дальних комнатах, оставляя на подоконниках недопитые бокалы. Ночью люди становятся честнее. Не лучше — просто честнее. Мне всегда было интересно на это смотреть, хотя со стороны никто бы не догадался, что я смотрю.

Я снова вышла на балкон, и на этот раз Кристиан за мной не пошёл.

Я стояла одна, слушала, как гудит за стеклом чужое веселье, и злилась на себя за то, что прислушиваюсь к двери. Это было глупо. Я не жду людей. Я давно отучилась их ждать — так меньше разочарований и больше свободного времени.

Он вышел минут через десять. Я не обернулась, потому что узнала шаги, и это разозлило меня ещё сильнее. Узнавать шаги человека, с которым знакома четыре часа, — плохой знак.

— Я начинаю думать, что ты меня ждала.

— Не льсти себе. Там слишком много людей.

— А мне показалось, тебе нравится быть среди них.

— Нравится. Но есть разница между тем, чтобы быть среди людей, и тем, чтобы быть с ними.

Он не ответил, и это было лучшее, что он мог сделать. Обычно тишину рядом с незнакомцем хочется чем-то заполнить — вопросом, шуткой, глотком вина. С ним не хотелось. Я не знала, хорошо это или плохо, и это незнание мне не нравилось.

Я посмотрела на часы. Почти четыре.

— Мне пора. Меня ждут.

— Кто-то важный?

— Единственный, кто ждёт меня всегда.

Он повернулся ко мне, и в его взгляде впервые за ночь мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Моя собака, — сказала я.

— И как она относится к тем, кто провожает тебя домой?

— Не знаю. До сих пор никто не провожал.

Я сказала это прежде, чем успела подумать, и пожалела во второй раз за ночь. Слишком много честности для одного балкона.

— Я отвезу тебя, — сказал он.

Я могла отказаться и вызвать такси, как делала сотню раз. Но кивнула, и мы спустились вниз.

* * *

В машине играло что-то тихое, без слов. Город за окном пустел. Вдалеке над Невой медленно сводили мост — две половины тянулись друг к другу, как руки человека, который долго не решался обнять. Мы почти не разговаривали. В этом молчании не было неловкости — только то, что мы оба понимали, чем может закончиться этот вечер, и ни один не торопился сказать это вслух.

Я думала о том, что не знаю о нём ничего, кроме имени, и что меня это почему-то не пугает. Пугало другое. Ему, кажется, совсем не нужно было ни о чём меня спрашивать.

Я назвала улицу. Только улицу, без номера дома: собиралась показать, где повернуть, когда подъедем.

Не пришлось.

Он сбросил скорость у нужного дома, свернул в арку — не в первую, а во вторую, которую не видно с дороги, — и остановился ровно у моего подъезда.

Я посмотрела на него. Он смотрел перед собой и спокойно глушил двигатель.

Я ведь не говорила ему, какая арка.

Глава 2

Сонита

— Ты здесь уже бывал? — спросила я.

Кристиан вынул ключ из замка зажигания и только потом повернулся ко мне.

— В первой арке шлагбаум. Через неё никто не ездит.

— Никто — это кто?

— Все, кто хоть раз пытался здесь припарковаться. У меня друг жил в соседнем доме, я полгода ставил машину в этом дворе.

Объяснение звучало вполне правдоподобно. Я не стала ничего уточнять: было начало пятого утра, у меня гудели ноги, и сил на подозрения уже не осталось.

* * *

Моника услышала нас ещё на лестнице. Когда я открыла дверь, она уже сидела в прихожей — небольшая, рыжевато-белая, с острыми ушами и выражением лица, которое я про себя называла «я тебя ждала, но ты этого не заслужила». Она подошла ко мне, ткнулась носом в ладонь, позволила себя погладить и только после этого посмотрела на Кристиана.

Смотрела она долго. Так смотрят таможенники и бабушки, которых знакомят с новым парнем внучки.

— Меня оценивают, — тихо сказал он.

— Даже не сомневайся.

Моника обошла его по кругу, понюхала ботинки, край пальто, протянутую руку — и с достоинством отвернулась.

— Кажется, я провалился.

— Она просто ещё не решила. Она никогда не решает быстро.

В отличие от меня, хотела добавить я, но не добавила.

Я сняла пальто, бросила его на кресло и только тогда заметила на полу у журнального столика обрывки картона. Блестящая обёртка, золотая лента, пустые бумажные ячейки. Коробка конфет, которую мама передала мне на прошлой неделе, «чтобы ты хоть что-нибудь сладкое ела». Я так и не открыла её. Моника открыла за меня.

Сначала у меня похолодели пальцы. Потом из комнаты исчезли звуки — гул холодильника, шум машин за окном, дыхание Кристиана за спиной. Страх всегда приходит ко мне в одном и том же порядке. Я знаю этот порядок наизусть, хотя совершенно не помню, где его выучила.

— Нет, — сказала я. — Нет, нет, нет.

Я опустилась на пол и подняла пустую коробку. Ячеек было двадцать четыре. Целых не осталось ни одной.

— Что случилось? — Кристиан присел рядом.

— Шоколад. Собакам нельзя шоколад.

— Сколько она съела?

— Не знаю. Всё.

Моника сидела рядом и смотрела на нас с безмятежностью существа, у которого только что был лучший вечер в жизни.

Я уже держала телефон и не могла попасть пальцем в буквы. «Круглосуточная ветеринарная клиника». «Шоколад собака симптомы». «Сколько шоколада смертельно для собаки». Экран плыл, слова наползали друг на друга.

— Дай я позвоню, — сказал Кристиан.

— Я сама.

— Сонита.

Он произнёс моё имя так спокойно, что я подняла глаза.

— Это не та ситуация, где нужно играть в «я сама». Речь о живом существе. Убери гордость хотя бы сейчас. Потом достанешь обратно, обещаю.

Внутри всё привычно напряглось — так бывает всегда, когда кто-то пытается забрать у меня руль. Но спорить я не стала. Медленно протянула ему телефон.

Он позвонил в ближайшую круглосуточную клинику и коротко, чётко объяснил, что случилось. Когда врач начал задавать вопросы, Кристиан повторял их мне — сколько ей лет, сколько она весит, какой был шоколад — и передавал мои ответы так спокойно, будто речь шла о его собственной собаке. Я слушала его голос и думала, что так говорят люди, которые уже не раз оказывались в ситуации, где нельзя паниковать. Мне стало интересно, что это были за ситуации. Потом стало не до того.

— Нас ждут, — сказал он, закончив разговор. — Едем сейчас.

— А если ей станет хуже по дороге?

— Тогда будем решать по дороге. Но сидеть здесь и смотреть на неё точно не поможет.

Я прижала Монику к себе. Она лизнула меня в подбородок, будто это я съела коробку конфет и это меня нужно было успокаивать.

Кристиан присел напротив, так, чтобы я видела его лицо.

— Я не буду говорить, что всё будет хорошо. Я этого не знаю. Но мы уже делаем всё, что нужно: врач в курсе, клиника в десяти минутах, прошло мало времени. Ничего необратимого не случилось. Пока ты сидишь здесь, всё ещё можно исправить.

Я кивнула. Пальцы всё ещё были ледяными.

— И не показывай ей свой страх, — тише добавил он. — Она почувствует. Лучше отдай его мне.

Я посмотрела на него, не совсем понимая, что он имеет в виду. Отдать. Как будто страх — это сумка, которую можно передать из рук в руки. Я всю жизнь носила свои сумки сама. Мне никогда не приходило в голову, что можно иначе. И уж точно не приходило в голову, что кто-то сам протянет руку.

Он больше ничего не сказал. Просто остался сидеть рядом.

Через несколько секунд я сделала то, чего не делала очень давно. Прислонилась к чужому плечу. Совсем немного, не как девушка к мужчине, который понравился ей этой ночью, а как человек, которому в эту минуту слишком тяжело оставаться сильным в одиночку.

Кристиан положил руку мне на плечо и на секунду крепче прижал к себе. Он ничего не говорил. Я была ему за это благодарна больше, чем за звонок.

* * *

В машине я снова уткнулась в телефон.

— Перестань читать всё подряд, — сказал Кристиан, выезжая со двора. Через вторую арку.

— Я пытаюсь понять, насколько всё серьёзно.

— Ты пытаешься найти самый страшный вариант из всех возможных. Это разные вещи.

— А ты слишком спокоен.

— Кто-то же должен.

— Ты всегда такой? Будто у тебя на всё есть решение.

— Нет, — сказал он, не отрывая взгляда от дороги. — Просто иногда полезно хотя бы делать вид. Особенно когда рядом кто-то, кому сейчас хуже, чем тебе.

Я убрала телефон. Моника лежала у меня на коленях, завёрнутая в край пальто, и смотрела в окно с видом пассажира бизнес-класса.

— Я её подобрала, — сказала я вдруг.

— Я понял.

— Нет, ты не понял. Она была совсем крошечная. Грязная, голодная, в репьях. Сидела у мусорных баков за магазином и тряслась так, будто весь мир был создан, чтобы её обидеть. Помещалась у меня на ладони.

— Сколько ей сейчас?

— Пять. Я нашла её пять лет назад, в ноябре. Это был плохой год. Она — единственное хорошее, что в нём случилось.

Кристиан ничего не ответил. Его пальцы на руле чуть сжались — так, что побелели костяшки, — и тут же расслабились. Я решила, что на дороге кто-то подрезал.

— Почему Моника? — спросил он после паузы.

— Не знаю. Она просто выглядела как Моника.

— Это многое объясняет.

— Что именно?

— Почему сейчас она выглядит так, будто владеет половиной Петроградки.

Я посмотрела на неё — и впервые за последние полчаса улыбнулась.

— Я её убедила, что мир не такой уж страшный. На это ушло пять лет.

— А себя?

Вопрос прозвучал тихо, почти небрежно. Я отвернулась к окну.

— Себя я убеждаю до сих пор.

* * *

В клинике пахло антисептиком и мокрой шерстью. Дежурный врач — высокий, сонный, с удивительно тёплыми руками — осмотрел Монику, задал те же вопросы, что Кристиан задавал по телефону, и забрал её в процедурную.

— Вы приехали вовремя, — сказал он, заметив моё лицо. — Сейчас всё сделаем. Пока поводов паниковать нет.

Я успела поцеловать её в макушку. Дверь закрылась.

Я осталась стоять в коридоре и смотрела на эту дверь так, будто могла взглядом вернуть Монику обратно. Кристиан встал рядом. Первые несколько минут я держалась: скрестила руки на груди, считала плитки на полу, смотрела на часы. Потом глаза наполнились слезами — сразу, без предупреждения, как наполняется водой след на мокром песке.

— Ненавижу это чувство, — сказала я. — Когда от тебя больше ничего не зависит.

— Ты сделала всё, что могла.

— Я знаю. Просто иногда этого почему-то недостаточно, чтобы успокоиться.

Я вытерла глаза ладонью и усмехнулась — мне самой было неловко за эту слабость.

— Странно. Я вообще редко боюсь кого-то потерять.

— А её?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Её — да. Наверное, потому что она знает обо мне слишком много и всё равно остаётся рядом.

Кристиан не ответил. Я опустила взгляд и неожиданно для самой себя взяла его за руку. Просто чтобы почувствовать рядом кого-то живого и на секунду перестать думать о том, что происходит за дверью.

Есть люди, рядом с которыми хорошо смеяться. Их в моей жизни всегда было много. И есть люди, рядом с которыми можно бояться. Таких у меня не было никогда. Я даже не знала, что это разные люди.

— Мне неловко, — сказала я. — Ты точно не это планировал.

— Определённо нет.

— Я собиралась впустить тебя в свою жизнь совсем ненадолго. Максимум — в спальню. А получилось почему-то наоборот.

Он тихо рассмеялся, и я почувствовала этот смех ладонью, в которой лежала его рука.

— Я тоже представлял эту ночь иначе, — сказал он. А потом, помолчав, добавил уже без смеха: — Но я рад, что оказался рядом именно сегодня.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня тем же взглядом, что и на балконе в первую секунду, — до того, как надел улыбку.

Дверь процедурной открылась.

— Всё хорошо, — сказал врач, и я наконец выдохнула. — Помощь оказана вовремя, состояние стабильное. Но я бы оставил её у нас под наблюдением до вечера. Заберёте ближе к ночи, если всё будет так же спокойно.

Пальцы в руке Кристиана разжались сами — я почувствовала, как из них уходит напряжение, будто кто-то медленно ослабил узел.

— Я приеду вечером, — сказала я.

— Я поеду с тобой, — сказал Кристиан.

Я повернулась к нему.

— Зачем? Ты и так провёл со мной всю ночь. Ты мне ничего не должен.

— Я знаю, — ответил он спокойно. — Поэтому и поеду.

* * *

Когда мы вышли из клиники, уже светало. Небо над крышами было серым и чистым, как вымытое стекло, улицы пахли мокрым асфальтом и первым кофе из круглосуточной пекарни на углу.

Кристиан открыл передо мной дверь машины. Я села и, пока он обходил капот, смотрела на его отражение в боковом стекле.

Я давно не позволяла никому нести что-то вместо меня. Оказалось, это гораздо страшнее, чем нести самой. Свою ношу ты хотя бы знаешь наизусть. А когда отдаёшь её другому, приходится запоминать, кому именно. И надеяться, что однажды не придётся забирать обратно.

Глава 3

Сонита

Дома было непривычно тихо.

Я закрыла дверь, сняла туфли и несколько секунд постояла в прихожей, по привычке ожидая топота лап, звона ошейника и недовольного взгляда Моники, которая всегда встречала меня так, будто я опять задержалась дольше положенного. Ничего. Только гудел холодильник и на полу у столика валялись обрывки золотой обёртки.

Я подняла их и выбросила. Руки до сих пор немного дрожали.

— Странно, — сказала я.

— Что?

— Я давно не оставалась здесь без неё. Она пять лет спит со мной. Занимает половину кровати, а иногда и всю. Без неё квартира какая-то неправильная.

— Тогда хорошо, что сейчас ты не одна, — сказал Кристиан.

Он сказал это просто, без намёка, и я была ему благодарна. Любой намёк в эту минуту прозвучал бы фальшиво.

Я прошла на кухню, открыла холодильник и достала яйца, сыр, хлеб и масло.

— Я обещала тебя накормить.

— Ты ничего не обещала.

— Значит, обещаю сейчас. Ты всю ночь провёл со мной в клинике. Меньшее, что я могу сделать, — это яичница.

— Наконец-то обо мне кто-то позаботился.

— Не привыкай. Это разовая акция.

Я поставила сковороду на плиту и собрала волосы. Кристиан сначала сидел на краю стола и просто смотрел, потом поднялся и встал рядом.

— Чем помочь?

— Ничем. Я справлюсь.

Он посмотрел на меня с той улыбкой, которую я уже успела научиться узнавать.

— Ты всегда так отвечаешь, когда предлагают помощь?

— Почти всегда.

— Тогда дай мне хотя бы нарезать хлеб. Обещаю не посягать на твою независимость.

Я протянула ему нож.

— Только не порежься. Второй раз за ночь в больницу я не поеду.

— Ты переживаешь за меня?

— Я просто не хочу второй раз за ночь становиться причиной твоих проблем.

Он ничего не ответил, только улыбнулся и взялся за хлеб. Резал он неровно, слишком толсто, и я заставила себя этого не замечать.

Он не мешал и не лез под руку — только подавал то, что я просила, и смотрел. Я чувствовала этот взгляд спиной, плечами, шеей и делала вид, что не чувствую. У меня это хорошо получается. Обычно.

Я стояла у плиты, когда он оказался совсем близко. Настолько, что я почувствовала тепло за спиной и запах его рубашки — дым, дождь и что-то древесное, тёплое.

— Ты всегда так близко подходишь, когда хочешь что-то взять? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Зависит от того, что я хочу взять.

Я медленно повернулась. Между нами почти не осталось расстояния. Он смотрел на меня спокойно, но в этом спокойствии уже не было ничего невинного.

— И что же ты хочешь взять?

Его взгляд опустился к моим губам и задержался там.

— Пока думаю, стоит ли спрашивать разрешения.

— А если не стоит?

— Тогда я впервые за эту ночь поступлю необдуманно.

Я не успела ответить. Его ладонь легла мне на талию, медленно скользнула по спине, и я невольно подалась ему навстречу. Тело решило раньше, чем я успела подумать. Со мной такого не бывает. Я всегда сначала думаю.

Это был тот момент, когда ещё можно сделать шаг назад. Я знала это совершенно ясно. И совершенно ясно знала, что шага назад не сделаю.

Он коснулся губами моей шеи, чуть ниже уха. Я закрыла глаза, и пальцы сами сжали ткань его рубашки.

— Кристиан…

Он остановился и поднял на меня взгляд — будто ждал, что я скажу «нет», и был готов это услышать.

— Не спрашивай, — сказала я.

Он подхватил меня на руки так легко, словно делал это уже много раз. Я тихо вскрикнула от неожиданности, обхватила его за шею и рассмеялась ему в висок.

— Из коридора налево.

— Я запомню.

— Надеюсь. Не хочу потом объяснять тебе, где моя спальня.

— Потом?

Он сбился с шага. Совсем чуть-чуть, на полсекунды, — со стороны никто бы не заметил. Но я была не со стороны.

— Я люблю шансы, — сказал он, и голос снова стал лёгким. — Но не всегда обещаю ими воспользоваться.

— А я шансов не даю, — ответила я. — «Потом» может закончиться сегодня вечером.

— Вот и отлично.

Слишком быстро. Он ответил слишком быстро, и мы оба это услышали. Я сделала вид, что меня это не задело. Только пальцы у него на затылке сжались чуть сильнее.

* * *

В спальне было полутемно: шторы со вчерашнего дня так и остались задёрнутыми. Он опустил меня на край кровати и наклонился, и я потянула его за ворот рубашки к себе.

И он остановился.

Не сразу. Сначала замер — так замирают на краю, когда под ногой вдруг кончается земля. Его ладони лежали у меня на плечах, дыхание сбилось, и я чувствовала, как напряжено всё его тело. А потом он медленно выпрямился и убрал руки.

— Не сегодня, — сказал он.

Я смотрела на него снизу вверх и не понимала.

— Что?

— Не сегодня, Сонита.

Он ничего не объяснил. Не пошутил, не придумал красивую причину. Просто стоял посреди моей спальни, растрёпанный, с расстёгнутым воротом, и смотрел на меня так, будто это ему сейчас отказали, а не мне.

Меня бросило в жар. Не от желания — от стыда. Я сидела на краю собственной кровати, с размазанными стрелками, в платье, которое пахло ветеринарной клиникой, и чувствовала себя человеком, который громко сказал что-то в тишине и только потом понял, что его никто не просил говорить.

— Ладно, — сказала я и сама услышала, как жёстко это прозвучало. — Как скажешь.

— Сонита…

— Всё нормально. — Я отвернулась и начала снимать серьги, хотя пальцы не слушались. — Правда. Ты не обязан.

Он постоял ещё секунду. Потом сел на другой край кровати, спиной ко мне.

— Ты не спала сутки, — сказал он тихо. — Я тоже. Давай просто поспим.

Я хотела сказать, чтобы он уходил. Что дверь там же, где была, а такси ездят круглосуточно. Я уже открыла рот.

А потом посмотрела на него — на тени под глазами, на то, как он сидит, сгорбившись, сцепив руки между коленями, — и ничего не сказала.

Мы легли поверх одеяла, не раздеваясь. Он на спину, я на бок, лицом к стене. Между нами было полметра холодной простыни. Я слушала, как он дышит, и злилась. На него. На себя. На то, что мне вообще не всё равно.

Я никогда не позволяю себе хотеть того, в чём не уверена. Это моё самое старое правило — старше всех остальных. А сегодня утром я его нарушила, и мне сразу показали, чем это заканчивается.

Я не заметила, как уснула.

* * *

Когда я открыла глаза, Кристиан лежал рядом и молчал.

Полметра простыни между нами никуда не делись. Только его рука во сне оказалась совсем близко к моей — не касаясь, в сантиметре.

Я убрала свою.

Он заметил. Я видела, что заметил. Мы встретились взглядами, и никто из нас не улыбнулся. Мне захотелось натянуть одеяло на голову и пропустить разговор, который уже висел в воздухе между нами.

— Который час? — спросила я.

Он взял телефон с тумбочки.

— Почти час дня.

— Мы проспали полдня.

— Ты проспала. Я последние десять минут решаю, будить тебя или нет.

— И почему не разбудил?

— Ты так спокойно спала. Решил хотя бы раз в жизни не мешать человеку.

Я спала спокойно, без кошмаров. Впервые за очень долгое время. Рядом с человеком, который пару часов назад отказался от меня. Это было глупо и совершенно необъяснимо.

Я села и собрала волосы рукой. Платье измялось, на подушке остались чёрные следы туши. Прекрасный вид.

— Наверное, нам стоит поговорить, — сказала я.

— Наверное.

Пауза затянулась.

— Только не говори ничего драматичного, — первой сказала я. — Ничего ведь не случилось.

— Я как раз собирался сказать, что всё это ничего не значит.

Я посмотрела на него. «Всё это» — что? Балкон, клиника, его рука на моём плече, кухня, спальня, полметра простыни? В его голосе не было насмешки. Он говорил серьёзно — и от этого было только хуже.

— Вот и прекрасно, — ответила я.

Прозвучало слишком быстро. Он это заметил. А я заметила, что он заметил. Секунду мы просто смотрели друг на друга, как два человека, которых поймали на одном и том же вранье.

Потом он встал, застегнул ворот рубашки и пригладил волосы, будто этим простым движением возвращал всё на свои места.

— Нам ещё Монику вечером забирать.

— Да.

— Значит, день продолжается.

Я ничего не ответила. Но эта простая фраза оказалась гораздо приятнее, чем должна была.

* * *

На этот раз завтрак действительно состоялся.

Первая яичница давно превратилась в резину, и Кристиан торжественно выбросил её в мусорное ведро со словами «она погибла не зря». Я достала новые продукты, он вызвался помогать, и неожиданно оказалось, что вдвоём у нас получается лучше, чем по отдельности. Он подавал тарелки, я отправляла его к шкафчикам, он резал помидоры так, как ему было удобно, а я молча перерезала половину. Через пару минут кухня наполнилась звуками совершенно обычной жизни: звон приборов, хлопки дверец, шипение масла и наши голоса.

— Мы знакомы меньше суток, — сказал Кристиан, — а уже гремим посудой, как семейная пара.

— Не переживай. До бытовухи мы не дойдём.

— Почему ты так уверена?

— Потому что ты не дотянешь. Ты даже помидоры режешь как человек, которого рано или поздно выгонят с кухни.

— Я стараюсь.

Я отвернулась к плите и в какой-то момент поняла, что он больше не отвечает. Обернулась.

Он стоял у стола и смотрел на меня. Не так, как на балконе, и не так, как в спальне. По-другому. Так, будто пытался что-то про меня понять и никак не мог. Или наоборот — понял и не знал, что теперь с этим делать.

— Что? — спросила я.

Он не ответил. Подошёл, и на этот раз в его движении не было ни дерзости, ни игры. Одной рукой он обнял меня за талию, а другой убрал за ухо выбившуюся прядь. Задержал ладонь у моего виска. Большой палец едва касался кожи.

Он поцеловал меня не сразу. Сначала просто смотрел — долго, будто запоминал. А потом коснулся моих губ своими, мягко, почти невесомо. Этот поцелуй был похож не на желание, а на признание. Только я не понимала, в чём именно он признаётся.

Я стояла не шевелясь. Утром в спальне он меня оттолкнул. А теперь стоял на моей кухне и целовал так, что у меня подкашивались колени. И выбил меня из колеи именно этот поцелуй. В нём не было игры, за которой можно спрятаться и сказать себе: это просто притяжение, это пройдёт. В нём была нежность. А к нежности я не была готова совсем.

И в ту же секунду случилось что-то странное.

Его ладонь всё ещё лежала у моего виска, и мне вдруг стало холодно. Не от сквозняка — изнутри. Перед глазами вспыхнуло и погасло: мокрое стекло, яркий свет, чья-то рука вот так же у виска. И голос, совсем близко:

«Смотри на меня. Ты ничего не видела».

Всё исчезло так же быстро, как появилось. Кухня. Шипение масла. Кристиан, который уже отстранился и смотрел на меня с лёгкой тревогой.

— Ты в порядке?

— Да, — сказала я. — Просто не выспалась.

Я отвернулась к плите и сняла сковороду с огня. Руки снова слегка дрожали.

Я всегда на что-нибудь это списываю. На бессонницу, на вино, на усталость. У меня большой опыт.

Глава 4

Сонита

Около трёх Кристиану позвонили.

Он посмотрел на экран, и лицо у него на секунду стало таким же, как на балконе, — пустым и закрытым. Потом он извинился и вышел на лестничную площадку. Дверь прикрыл неплотно, но говорил так тихо, что я не разобрала ни слова. Только интонацию: короткие ответы, долгие паузы. Так разговаривают не с друзьями.

Вернулся он минут через пять и снова улыбался.

— Мне нужно заехать домой. Переодеться, разобраться с парой дел.

— Конечно.

— Заеду за тобой в восемь. Клиника до десяти, успеем.

— Ты не обязан, — напомнила я.

— Я помню, — сказал он и надел пальто. — Ты мне это уже говорила. Я всё равно заеду.

Он ушёл, и квартира снова стала слишком тихой. Я вымыла посуду, хотя её было немного. Протёрла стол, который не был грязным. Переставила чашки в шкафу. Я всегда так делаю, когда не хочу думать: занимаю руки, чтобы голова не успела начать.

Голова всё равно успела. Я думала о его ладони у моего виска. О голосе, который прозвучал так близко, что я почти почувствовала чужое дыхание. «Смотри на меня. Ты ничего не видела».

Я не знала, чей это голос. Я даже не была уверена, что он мне не приснился. Мне много чего снится.

В половине пятого позвонила Злата.

— Ты живая? — спросила она вместо приветствия. — Я тебя вчера потеряла. Мне сказали, ты ушла с Кристианом Ланским.

— Ты его знаешь?

— Его все знают. Ну, в смысле, все его видели. Знает его, по-моему, никто. — Она помолчала. — И как?

— Моника съела коробку конфет. Мы всю ночь просидели в ветеринарке.

— Романтично.

— Очень.

— Слушай, я вообще не за этим звоню. — Голос у Златы изменился, стал осторожнее. — Ты слышала про подкаст?

— Какой подкаст?

— «Стеклянный дом». Сегодня утром вышел трейлер, у меня уже вся лента в нём. Это про Марка Залесского. Ну, про ту вечеринку в Колпино, когда он пропал. Ты же там была, да? Ты мне как-то рассказывала.

Я опустилась на стул.

— Была.

— Его ведёт его сестра. Вера. Она говорит, что будет разбираться, что тогда случилось на самом деле, и что поговорит со всеми, кто там был. Со всеми, понимаешь? Я подумала, тебе надо знать. Вдруг она тебе напишет.

— Спасибо, Злат.

— Ты в порядке?

— Да. Я перезвоню.

Я положила телефон на стол экраном вниз и какое-то время просто сидела.

* * *

Мне было пятнадцать.

Ника, моя старшая сестра, взяла меня на ту вечеринку, потому что родители уехали, а оставлять меня одну дома она не хотела. Я была счастлива. Мне было пятнадцать, и меня взяли туда, где все старше, громче и интереснее. Старая усадьба Залесских в Колпино, на берегу Ижорского водохранилища: тяжёлые ворота, фонари в саду, музыка, а у самой воды — стеклянный павильон, светящийся в темноте, как аквариум. На другом берегу дымили трубы завода, который принадлежал отцу Марка. Марк, парень Ники, встретил нас у ворот и назвал меня «мелкой». Я обиделась и весь вечер старалась вести себя по-взрослому.

Это последнее, что я помню хорошо.

Дальше — обрывки. Чей-то смех на веранде. Холодный бокал в руке. Мокрая трава под ногами. Свет в павильоне. А потом — утро. Я проснулась на садовой скамейке, в чужой куртке, замёрзшая так, что не чувствовала пальцев. Вокруг ходили люди в форме. Ника плакала и кричала на кого-то в телефон. Марка нигде не было.

Его так и не нашли. Ни в доме, ни в водохранилище, ни в городе. Полиция опросила всех, кто был на вечеринке. Все сказали одно и то же: ничего не видели. Я тоже сказала, что ничего не видела. Это была правда. Я действительно ничего не помнила.

Потом пошли слухи: что Марк уехал за границу, что он задолжал серьёзным людям, что отец сам его где-то спрятал. Через полгода о нём перестали говорить. Через год — вспоминать.

У нас в семье об этой ночи не говорят. Не потому что запрещено. Просто никто никогда не начинает. Ника через год уехала в Москву. Мама делает вид, что ничего не было. Папа делает вид, что верит маме.

А я с тех пор плохо сплю.

И ещё одно. Об этом я не рассказывала никому — ни Нике, ни полиции, ни маме. Когда я проснулась на той скамейке, у меня в кулаке был зажат кулон. Серебряный, на тонкой цепочке, в форме маленькой птицы. Не мой. Я не знаю, чей он и как оказался у меня в руке. Я положила его в карман, а дома спрятала в шкатулку на самое дно.

Я так и не решилась его выбросить. И так ни разу и не надела.

* * *

Трейлер длился три минуты двенадцать секунд. Я включила его, сидя на подоконнике, с ногами, прижатыми к груди.

Сначала был шум волн. Потом музыка — тихая, тревожная, — и женский голос. Спокойный, низкий, очень ровный. Голос человека, который много раз репетировал эти слова, чтобы они перестали делать ему больно.

«Пять лет назад мой брат вышел в стеклянный павильон и больше не вернулся. В ту ночь в нашем доме было сорок три человека. Все они сказали полиции одно и то же: мы ничего не видели. Я долго в это верила. Я больше не верю».

Пауза. Шум волн.

«Меня зовут Вера Залесская. Это подкаст „Стеклянный дом“. Я поговорю со всеми, кто был там той ночью. С кем-то — во второй раз. С кем-то — впервые. Кто-то будет рад со мной поговорить. Кто-то — нет».

Ещё пауза.

«В ту ночь на Марке был серебряный кулон. Маленькая птица с раскрытыми крыльями — я подарила её ему на девятнадцать лет. Его так и не нашли. Ни в доме, ни в воде. Я думаю, кто-то из вас держал эту птицу в руках. И, может быть, держит до сих пор».

Музыка. Шум волн. Тишина.

Я не сразу поняла, что трейлер закончился. Сидела и смотрела на экран, где крутилась обложка: стеклянный павильон ночью, тёмная вода за ним и красная надпись.

Меня бросило в жар, потом в холод. Пальцы похолодели первыми — как всегда.

Тысячи людей послушают этот трейлер и ничего не поймут. Красивая деталь для подкаста, не больше. Птица, кулон, чья-то сентиментальная сестра.

Поняла только я.

Пять лет я не знала, чей он. Теперь знала. И от этого было ничуть не легче — потому что я всё ещё не знала, как он оказался у меня в кулаке.

Я встала, прошла в спальню и открыла шкатулку. Кулон лежал на самом дне, под старыми браслетами и сломанными серёжками. Маленькая серебряная птица с раскрытыми крыльями. Я взяла его в руку — он был холодный, как пять лет назад — и долго стояла посреди комнаты, не зная, что с ним делать.

Потом вышла в прихожую и положила его в керамическую тарелку для ключей у зеркала. Сама не знаю зачем. Наверное, мне просто не хотелось, чтобы он снова лежал на дне. Хватит с него.

Я набрала Нику. Длинные гудки. Ещё раз. Сброс.

Через минуту пришло сообщение:

«Не слушай это. Пожалуйста. Потом поговорим».

Я перечитала его трижды. Ника не спрашивала, о чём я. Она уже знала.

* * *

Кристиан приехал ровно в восемь. Я спустилась сама, не дожидаясь звонка: сидеть дома дальше было невозможно.

— У тебя что-то случилось, — сказал он, когда я села в машину. Не спросил — сказал.

— С чего ты взял?

— Ты накрасилась так, будто идёшь на войну.

Я посмотрела в зеркало. Он был прав: стрелки, тёмная помада. Я всегда так крашусь, когда мне плохо. Люди реже заглядывают в глаза, если в них нарисованы стрелки.

— Просто плохо выспалась, — сказала я.

Он ничего не ответил, только завёл двигатель. Но я видела, что он не поверил. И была ему благодарна, что он не стал спорить.

Монику вынесли к нам в коридор на руках. Она была немного вялая, в смешной попонке с косточками, которую ей надели в клинике, и очень обиженная на весь мир. Увидев меня, она сначала сделала вид, что не узнаёт, а потом заскулила и полезла ко мне на руки так, что медсестра едва её удержала.

— Всё, всё, я здесь, — шептала я ей в макушку. — Я тут. Прости меня.

Врач объяснил, что ей можно есть и чего нельзя, и отдал выписку. Кристиан забрал бумаги, расплатился раньше, чем я успела достать карту, и на мой возмущённый взгляд ответил:

— Потом отдашь. Если очень захочешь.

— Я захочу.

— Я так и думал.

Дома Моника обошла все комнаты, проверила, всё ли на месте, и устроилась на своей подушке у батареи. Кристиан снял ботинки и сел на пол рядом с ней — не протягивая рук, просто сел. Моника долго на него смотрела. Потом встала, медленно подошла, обнюхала его ладонь и легла рядом, привалившись к его колену боком.

Я стояла в дверях кухни и не верила своим глазам.

— Она так никогда не делает, — сказала я.

— Мы с ней провели вместе ночь. Это сближает.

Он сказал это легко, но гладил Монику так осторожно, будто боялся, что она передумает. И мне вдруг стало не по себе. Не от того, что моя собака выбрала его. А от того, как сильно мне хотелось, чтобы она оказалась права.

* * *

Я открыла вино. Мы сидели на кухне: я на подоконнике, он за столом, Моника спала в комнате, и из коридора было слышно, как она тихо посапывает.

— Я хочу кое-что предложить, — сказала я.

— Звучит угрожающе.

— Днём ты сказал, что всё это ничего не значит.

Он поставил бокал.

— Сказал.

— Я согласна. Но я не хочу, чтобы это превратилось в то, что обычно бывает. Неловкие сообщения, «ты где», «почему не отвечаешь», обиды, выяснения. У меня на это нет сил. Особенно сейчас.

— Особенно сейчас? — переспросил он.

Я сделала вид, что не услышала.

— Поэтому давай договоримся. Если это ничего не значит, пусть так и остаётся. С правилами.

Он посмотрел на меня с интересом, как смотрят на человека, который предложил сыграть в игру, в которой сам ещё не знает всех правил.

— Хорошо. Твои правила.

Я взяла телефон и открыла заметки.

— Первое. Никаких «потом». Никаких планов, обещаний, «давай как-нибудь съездим». Только сейчас.

— Принято.

— Второе. Я не знакомлю тебя со своими друзьями, ты меня — со своими.

— Боишься, что они меня полюбят?

— Боюсь, что они начнут задавать вопросы. Третье. Никакой ревности. Мы друг другу ничего не должны.

— Согласен.

Я напечатала всё это и подняла глаза.

— Твоя очередь. Тебе тоже можно что-то добавить.

Он не стал думать ни секунды. Будто ответ был у него заготовлен заранее.

— Никаких вопросов о прошлом.

Я замерла с телефоном в руке.

— В каком смысле?

— В прямом. Мне нравится, что мы ничего друг о друге не знаем. Кто с кем встречался, кто кого бросил, у кого какие скелеты в шкафу. Мне это не нужно. Есть только то, что сейчас. Ты же сама сказала — только сейчас.

Он говорил спокойно и легко. Но глаза у него были серьёзными, и смотрел он не на меня, а на свой бокал.

Ещё сутки назад я бы, наверное, удивилась этому правилу. А сегодня, после трейлера, после сообщения Ники, после кулона в тарелке для ключей, я почувствовала облегчение. Такое сильное, что стало почти стыдно. Человек, который никогда не спросит меня о прошлом. Человек, при котором можно не помнить.

— Хорошо, — сказала я. — Никаких вопросов о прошлом.

И записала.

— Тогда моё последнее, — сказала я. — Не врать.

Он поднял взгляд.

— Совсем?

— Совсем. Можно не рассказывать — у нас же нет вопросов о прошлом. Но если что-то говоришь, то это должно быть правдой. Даже в мелочах.

— Особенно в мелочах? — уточнил он.

— Особенно в мелочах.

Пауза была совсем короткой. Я бы не заметила её, если бы не смотрела на его руку. Пальцы на ножке бокала на секунду замерли.

— Договорились, — сказал он. — Не врать.

— И главное, — я дописала последнюю строчку и развернула к нему экран. — Шестое.

Он прочитал вслух:

— «Не влюбляться».

— Это даже не обсуждается.

— Даже не собирался, — ответил он и улыбнулся.

Мы чокнулись. Бокалы звякнули слишком громко для тихой кухни, и в комнате недовольно шевельнулась Моника.

Я посмотрела на экран ещё раз.

«1. Никаких „потом“.

2. Не знакомить с друзьями.

3. Не ревновать.

4. Никаких вопросов о прошлом.

5. Не врать.

6. Не влюбляться».

Шесть простых правил. Мне казалось, что с ними будет легко.

* * *

— Я поеду, — сказал Кристиан ближе к полуночи. — Седьмое правило: не оставаться на ночь. Мы его не записали, но, думаю, оно подразумевается.

— Ты остался сегодня утром.

— Утро не считается. Это был форс-мажор.

Я проводила его в прихожую. Моника пришла следом, села у моих ног и посмотрела на него с выражением, которое я раньше у неё никогда не видела. Кажется, это означало «ты куда».

Кристиан надел пальто, наклонился, чтобы взять ключи от машины, которые оставил у зеркала, — и остановился.

В керамической тарелке, рядом с его ключами, лежал кулон. Серебряная птица на тонкой цепочке.

Он не взял его в руки. Просто смотрел. Секунду, две, три. Лицо у него было совершенно спокойным, и именно это спокойствие показалось мне неправильным. Слишком ровным. Как вода, под которой что-то лежит.

Потом он взял свои ключи — аккуратно, не задев цепочку, — и выпрямился.

— Красивый, — сказал он. — Не теряй.

— Не потеряю.

Он поцеловал меня в висок, почесал Монику за ухом и ушёл.

Я закрыла дверь, подошла к окну на кухне и, сама не зная зачем, посмотрела вниз, во двор. Его машина стояла у подъезда. Фары не горели, двигатель не работал. Он просто сидел внутри в темноте.

Я смотрела на неё двадцать минут. Потом фары загорелись, и машина медленно выехала через вторую арку.

Я вернулась в прихожую и посмотрела на кулон в тарелке.

Любой на его месте спросил бы, откуда он у меня. Кристиан не спросил.

Глава 5

Кристиан

Я сидел в машине у её подъезда и не мог повернуть ключ.

В окне на четвёртом этаже горел свет. Кухня. Она, наверное, моет бокалы. Или стоит у окна и смотрит вниз — на машину с выключенными фарами, в которой сидит идиот. Я не стал проверять. Если она смотрит, пусть думает, что я пишу кому-то сообщение. Ещё одна маленькая ложь. На общем фоне её даже не будет видно.

Птица.

Серебряная птица с раскрытыми крыльями, на цепочке, такой тонкой, что её всё время приходилось распутывать. Вера купила её на какой-то ярмарке в Таллине и подарила Марку на девятнадцать лет. Марк сказал, что это девчачья ерунда, и не снимал её ни разу. Я видел эту птицу каждый день целый год. Она болталась у него на шее в школе, в машине, на тренировках, на всех фотографиях.

Последний раз я видел её в павильоне. Той ночью.

Сегодня утром Вера рассказала о ней в своём трейлере. На весь город. Для всех это была просто трогательная деталь. Для меня — нет.

Полиция её искала. Вера её искала — я помню, как она спрашивала у всех, не находил ли кто кулон, будто от этого что-то зависело. Её не нашли. Я был уверен, что она лежит на дне водохранилища вместе со всем остальным, о чём я запретил себе думать.

А она лежала в керамической тарелке для ключей. В прихожей Сониты. Рядом с моими ключами от машины.

Пять лет.

Я положил руки на руль и посмотрел на них. Руки не дрожали. Это я в себе ненавижу больше всего: у меня никогда не дрожат руки. Даже когда должны.

Я не спросил её, откуда кулон. Сделал вид, что вижу его впервые, сказал «красивый» и ушёл. Можно было спросить. Это было бы нормально — любой бы спросил. Но я не мог. Если бы она ответила «не помню», я бы не знал, верить ли. А если бы она ответила честно, мне пришлось бы решать, что делать с этой честностью. Я не был готов. Поэтому я выбрал правило номер четыре, которое сам же придумал за час до этого.

Никаких вопросов о прошлом.

Она решила, что это правило для неё. Чтобы ей не пришлось ничего мне рассказывать. Я видел, как у неё расслабились плечи, когда я его произнёс. Она даже не поняла, что это правило для меня. Чтобы мне не пришлось её спрашивать. Чтобы она никогда не спросила меня.

Я провёл в этом дворе двадцать минут. Потом завёл двигатель и выехал через вторую арку. Через первую там действительно никто не ездит. В этом я ей не соврал.

Единственное, в чём я ей не соврал за сутки.

* * *

Я считаю.

Это дурацкая привычка, она появилась у меня пять лет назад. Я считаю свои лжи. Не все подряд — «нормально», «спасибо, вкусно», «да, я на месте» не в счёт. Я считаю только те, после которых что-то меняется.

Ей — пока четыре.

Первая — на балконе. «Нет. Я бы запомнил». Она спросила, не встречались ли мы раньше, и я ответил сразу, не задумываясь, потому что этот ответ был у меня готов. Я пять лет готовил этот ответ на случай, если когда-нибудь случайно окажусь с ней в одной комнате.

Вторая — у её подъезда. Друг, который жил в соседнем доме. Такого друга у меня нет. Я знаю её двор, потому что две недели назад приезжал сюда и сидел в машине. Не заходил.

Просто смотрел, в какую арку она ходит, во сколько выгуливает собаку, в каком окне загорается свет. Я сам себе был противен. Но мне сказали узнать, и я узнавал.

Третья — в её спальне, когда мы проснулись. «Я как раз собирался сказать, что ничего не значит». Это была самая лёгкая ложь из всех. И самая глупая. Потому что я сказал это, глядя на неё, и в тот момент сам почти поверил.

Четвёртая — сегодня вечером, на кухне. Она сказала «не врать», и я ответил «договорились».

Мама назвала меня в честь деда. Кристиан Ланской-старший был единственным человеком в нашей семье, который, по её словам, никогда в жизни не соврал. Ни разу. Даже когда это стоило ему работы, друзей и половины здоровья. Мама говорила, что я на него похож.

Мамы давно нет рядом. Иногда я думаю, что это к лучшему. Ей не пришлось смотреть, на кого я стал похож на самом деле.

* * *

С Марком мы познакомились в девятом классе, когда его перевели в нашу школу. Первого сентября он опоздал на сорок минут, вошёл в класс в расстёгнутой рубашке, оглядел всех, сел рядом со мной, потому что место было свободно, и сказал: «Ты выглядишь как человек, который даст списать». Я не дал. Через неделю мы были лучшими друзьями.

Он был громкий. Всегда. Громко смеялся, громко спорил, громко любил и громко обижался. Рядом с ним невозможно было скучать, и невозможно было остаться незамеченным. Девчонки влюблялись в него пачками, учителя прощали ему всё, а он раздавал себя направо и налево — деньги, время, машину отца, свою куртку, если тебе холодно. Он научил меня водить на пустой заводской парковке в Колпино, ночью, когда мне было шестнадцать. Он первым пришёл в больницу, когда у мамы случился приступ. Он мог позвонить в три часа ночи и сказать: «Выходи, я внизу, поехали смотреть, как разводят мосты», — и ты выходил, потому что отказать Марку было невозможно.

Марк был лучшим человеком из всех, кого я знал. Трезвым.

Выпив, он становился другим. Не сразу — сначала просто ещё громче, ещё щедрее, ещё веселее. А потом в какой-то момент у него темнели глаза, и тогда лучше было оказаться подальше. Он мог сказать человеку что-то такое, после чего тот не разговаривал с ним месяц. Мог разбить стакан о стену. Однажды при мне ударил парня, который случайно толкнул Нику в баре. Тот парень был ни в чём не виноват. Марк потом три дня ходил за ним и извинялся.

Мы все это знали. И Вера знала, и Ника, и я. Мы все делали вид, что это не страшно, что это просто Марк, он такой, он потом извинится. Он всегда извинялся.

Почти всегда.

* * *

Я не собирался к ней подходить.

Это важно. Я повторял себе это всю дорогу домой, как будто кто-то будет меня судить и мне понадобятся аргументы. Я пришёл на ту вечеринку, потому что знал, что она там будет. Хозяйка — подруга подруги Златы. Город маленький, если знать, кого спрашивать. Я хотел посмотреть на неё издалека. Час. Может быть, полтора. Понять, какая она теперь. Услышать, как она говорит с людьми. Уйти.

А она вышла на балкон.

Я стоял там уже минут двадцать. Смотрел на крыши и думал, что пора уходить, что я увидел достаточно, что она смеётся, танцует, болтает с кем-то у окна, — значит, жива, значит, справилась, значит, можно доложить, что всё в порядке, и забыть её адрес.

Каблуки по плитке. Я обернулся — и это была она.

Пять лет назад ей было пятнадцать. Худая, с острыми коленками, в Никином тёмном платье, которое было ей велико, с косой, которую Ника заплела ей перед выходом. Она весь вечер ходила за старшими и пыталась казаться взрослой, и все называли её «мелкой», а я —

«Сон». Не знаю почему. Мне просто казалось, что «Сонита» — слишком длинно для такого маленького человека. Она злилась и говорила, что меня никто не спрашивал.

На балконе стояла совсем другая девушка. Высокая, в чёрном, с бледной кожей и этими её невозможными глазами, которые за пять лет никуда не делись. И я сказал «Здравствуй, Сон…» раньше, чем успел подумать. Просто вырвалось. Пять лет молчания — и вырвалось на втором слове.

Я превратил это в какую-то глупость про сон, который надо нагулять. Она посмотрела на меня — и я понял, что она не узнала. Ни лица, ни голоса, ни этого «Сон».

Я должен был почувствовать облегчение. Вместо этого почувствовал, что меня ударили.

* * *

Я был готов ко многому. К тому, что она меня узнает и закричит. К тому, что не узнает и мне станет легче. К тому, что она окажется пустой, холодной, совсем чужой и я спокойно доложу Аркадию Львовичу, что девочка выросла, живёт своей жизнью и ничего не помнит.

Я не был готов к коробке конфет.

К тому, как она сидела на полу в своей прихожей, в вечернем платье, с пустой коробкой в руках, и пыталась попасть пальцами в буквы на экране. Как у неё побелели губы. Как она сказала «я сама» — тем же голосом, каким пять лет назад говорила «меня никто не спрашивал». Я узнал этот голос раньше, чем лицо. Упрямство никуда не делось. Просто выросло вместе с ней.

Когда я сказал «отдай мне свой страх», я сам не понял, откуда это взялось. Это не была фраза, чтобы её впечатлить. Я просто увидел, что ей слишком тяжело. И мне вдруг стало невыносимо, что я опять стою рядом и смотрю, как ей страшно, — и опять ничего не могу сделать, кроме как говорить правильные слова спокойным голосом.

Она прислонилась к моему плечу. Совсем чуть-чуть, будто проверяла, выдержу ли. Я выдержал. Я вообще хорошо умею выдерживать. Плохо умею другое — потом отпускать.

В клинике она взяла меня за руку. Сама. Пальцы у неё были ледяные, и я грел их, пока врач возился с Моникой, и думал о том, что эта рука пять лет назад была в крови. Что я тогда держал её точно так же — только мы стояли не в коридоре ветеринарки, а в белом свете павильона, и она не плакала. Она тогда вообще не плакала. Это было страшнее всего.

А теперь она плакала, потому что её собака съела шоколад. Обычные, нормальные человеческие слёзы. Я смотрел на неё и думал: значит, получилось. Значит, она смогла жить так, чтобы плакать из-за собак и конфет, а не из-за того, что осталось в павильоне. Значит, всё было не зря.

И в ту же секунду понял, что я последний человек на земле, которому можно быть рядом с ней.

Я остался.

А потом, на её кухне, она повернулась ко мне от плиты, и я поцеловал её. И понёс в спальню. И она потянула меня за ворот рубашки — и я остановился.

Я не мог. Не потому что не хотел. Я хотел так, что у меня темнело в глазах.

Но она не знала, кто я. Она думала, что я случайный парень с вечеринки, который помог ей ночью в клинике. А я знал её имя до того, как она его произнесла. Я знал её сестру, её двор, её арку. Я знал, что было с ней пять лет назад, — лучше, чем она сама. Я пришёл на ту вечеринку, потому что меня попросили узнать, что она помнит.

Если бы я остался с ней в то утро, это была бы не близость. Это была бы кража. Ещё одна вещь, которую я взял бы у неё, пока она не смотрит.

Я сказал «не сегодня». Она решила, что я её не хочу. Я видел это по её лицу: как она покраснела, как отвернулась, как начала снимать серьги дрожащими пальцами. Это было самое далёкое от правды, что можно было придумать.

Я не стал её разубеждать. Пусть лучше думает так.

Она уснула через пять минут, отвернувшись к стене. Я не спал. Лежал и смотрел на её затылок, на тёмные волосы на подушке, на полметра простыни между нами. Самое честное расстояние, которое я мог себе позволить.

Днём я сделал вид, что это ничего не значит. Она сделала вид, что ей всё равно. Мы оба очень старались. У неё, по-моему, получалось лучше.

Потом она стояла у плиты, ругалась на мои помидоры, отбрасывала волосы локтем, потому что руки были заняты, — и я вдруг забыл, зачем я здесь. Не на секунду. На целую минуту. Это была лучшая минута за пять лет.

Я подошёл и поцеловал её снова. Не так, как утром. Без плана, без расчёта, без всего, что я себе обещал.

Это была ошибка. Я знал это ещё до того, как она открыла глаза.

Я бы сделал её снова.

* * *

Отец сидел на кухне, когда я вернулся. Без света, с чашкой давно остывшего чая. Он всегда так сидит, когда ждёт. Мне двадцать три, а он до сих пор ждёт меня по ночам, как будто мне пятнадцать. Хотя нет. Когда мне было пятнадцать, он не ждал. Ждать он начал пять лет назад.

— Он звонил, — сказал отец, не поворачиваясь.

— Мне тоже.

— Что ты ему сказал?

— Что завтра приеду.

Отец кивнул. Олег Ланской двенадцать лет руководит службой безопасности у Аркадия Львовича Залесского. Это хорошая должность. Благодаря ей у нас есть эта квартира, моя машина, моё образование, его спокойная старость, которая, по плану, должна наступить лет через пять. Благодаря ей пять лет назад, в четыре утра, у ворот усадьбы, отец положил мне руку на плечо и сказал: «Делай то, что скажет Аркадий Львович. Ничего не спрашивай. Потом объясню».

Он так и не объяснил. Я так и не спросил. Мы с ним похожи.

— Ты с ней встречался? — спросил отец.

— Да.

— И?

Я налил себе воды и выпил её стоя, залпом.

— Она ничего не помнит.

— Ты уверен?

Я подумал о керамической тарелке в её прихожей. О серебряной птице с раскрытыми крыльями.

— Уверен, — сказал я.

Пять.

Отец наконец посмотрел на меня. В темноте его лицо казалось старше, чем днём.

— Кристиан, — сказал он. — Будь с ней осторожен.

— В каком смысле?

— Во всех.

Я не понял, кого он имеет в виду: её или меня. Переспрашивать не стал.

* * *

С Яном мы встретились в кофейне на Петроградской, недалеко от моего дома. Он пришёл первым, что на него совсем не похоже, и сидел у окна с двойным эспрессо, к которому даже не притронулся.

Ян Горский был на той вечеринке. Как и ещё сорок один человек, которых Вера перечислила бы по именам, если бы её попросили. Ян тогда напился раньше всех и уснул в бильярд-

ной, и это было его единственным алиби. Хорошим, проверенным. Полиция его опросила и отпустила за десять минут.

— Вера мне написала, — сказал он вместо приветствия. — Вчера ночью. Хочет записать интервью.

— Мне пока нет.

— Напишет. — Ян покачал головой. — И что ты будешь делать?

— Не знаю.

— А мне что ей говорить?

— То же, что пять лет назад.

— Пять лет назад я говорил правду. Я спал в бильярдной. — Ян наконец взял чашку, посмотрел на неё и поставил обратно. — А ты, Крис? Ты что говорил?

Я ничего не ответил. Ян знал меня слишком долго, чтобы ждать ответа.

— Ладно, — сказал он. — Не хочешь — не надо. Я спрошу другое. Мне вчера скинули фотку. С какой-то вечеринки на Васильевском. Там ты на балконе, а рядом с тобой — девушка. Чёрное платье, бледная, глаза как у кошки. Знакомое лицо, правда? Я сначала не поверил.

Я медленно поставил свою чашку.

— Кто скинул?

— Какая разница? Полгорода уже видело. Ты в своём уме, Крис? Из всех девушек Петербурга — именно она? Именно сейчас, когда Вера запускает свой подкаст?

— Это не твоё дело.

— Это не моё дело, — согласился Ян. — Это станет делом Веры. Если уже не стало.

Он был прав, и от этого хотелось его ударить. Я отвернулся к окну. По Большому проспекту шли люди с зонтами, хотя дождя не было, просто небо было такого цвета, что зонт хотелось держать на всякий случай.

— Ты её помнишь? — спросил Ян тише. — С той ночи?

— Помню.

— А она тебя?

— Нет.

Ян долго на меня смотрел.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он наконец. — Ты сейчас первый раз за пять лет выглядишь живым. Это меня пугает гораздо больше, чем Вера.

* * *

Завод Залесских стоит на берегу Ижоры с позапрошлого века. Красный кирпич, почерневший от времени, трубы, которые видно из любой точки Колпино, бесконечные заборы с колючей проволокой и запах металла, который въедается в одежду за пять минут. Офис Аркадия Львовича на последнем этаже старого заводоуправления. Из его окна видно водохранилище. А на другом берегу — усадьбу.

Он выбрал этот кабинет сам. Специально. Я в этом уверен.

Павильон всё ещё стоял у воды. Стеклянный, тёмный, с заколоченной дверью. Пять лет никто к нему не подходил. Аркадий Львович не разрешил его снести. Говорят, что это память о сыне. Я думаю, что это напоминание. Только не о сыне, а о том, что он сделал, чтобы эта история закончилась.

— Садись, — сказал он, не отрываясь от бумаг.

Я сел. Аркадий Львович Залесский — невысокий, седой, с мягким голосом и руками пианиста. Его можно принять за профессора консерватории. Пока не посмотришь ему в глаза.

— Ты слышал трейлер.

— Слышал.

— Вера выпустит второй выпуск через девять дней. — Он снял очки и положил их на стол. — Я разговаривал с ней. Она меня не слушает. Она вообще перестала меня слушать после той ночи. Считает, что я что-то от неё скрываю.

— Вы скрываете.

Он посмотрел на меня спокойно, без раздражения.

— Мы все что-то скрываем, Кристиан. Ты тоже. Именно поэтому мы с тобой разговариваем в этом кабинете, а не в другом. — Он помолчал. — Девочка.

— Она ничего не помнит.

— Ты говорил это и пять лет назад.

— Пять лет назад это было правдой.

— А сейчас?

Я смотрел мимо него, в окно, на тёмное стекло павильона.

— И сейчас.

Шесть.

Аркадий Львович откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе.

— Вера считает, что девочка что-то видела. И, знаешь, я с ней согласен. Она была там. Её нашли в десяти метрах от павильона. Человек, который ничего не видел, обычно не спит в саду в октябре в чужой куртке. — Он сделал паузу. — В твоей куртке, Кристиан.

Я ничего не ответил. Об этой куртке никто никогда не спрашивал. Я не знал, что он помнит.

— Мне нужно знать наверняка. Если она вспомнит, если Вера до неё доберётся, если девочка вдруг решит, что ей есть что рассказать, — это будет очень плохо. Для всех. Для неё в первую очередь. Ты понимаешь меня?

— Понимаю.

— Я мог бы попросить кого-то другого. У меня есть люди, которые умеют разговаривать с девушками. — Он улыбнулся, совсем чуть-чуть. — Но я попросил тебя. Потому что ты уже однажды о ней позаботился. И потому что тебе, в отличие от других, не всё равно, что с ней будет.

Вот здесь он был прав. Он вообще редко ошибается в людях. Он знал, что я соглашусь. Если не я, то кто-то другой. Кто-то, кто не будет с ней осторожен.

— Девять дней, — сказал Аркадий Львович. — Узнай, что она помнит. И если помнит — сделай так, чтобы перестала.

— Как?

— Ты же уже справлялся однажды. — Он надел очки и вернулся к бумагам. — Передай отцу привет.

* * *

Я ехал вдоль водохранилища медленно, хотя мог не смотреть. Мог свернуть раньше, поехать через город. Но я каждый раз еду здесь. Это тоже дурацкая привычка, как счёт.

Павильон проплыл слева. Тёмное стекло отражало серое небо, и за ним ничего не было видно. Пять лет назад там горел свет. Яркий, белый, как в операционной. Музыка из дома, смех с веранды, мокрая трава.

И она — в этом белом свете. Пятнадцатилетняя, в слишком большом платье, с порезанной ладонью, с глазами, в которых не осталось ничего, кроме ужаса. Я держал её лицо обеими руками. Одну ладонь — у виска. Чтобы она смотрела на меня, а не туда, куда смотреть было нельзя.

«Смотри на меня, Сон. Ты ничего не видела».

Я сказал ей это пять лет назад. Она не помнит. А я помню каждое слово.

И помню, о чём она попросила меня потом, когда перестала дрожать. Я пообещал ей. Я сдержал обещание. Это единственное обещание в моей жизни, которое я сдержал до конца, и, может быть, оно было самым неправильным из всех.

Вчера днём на её кухне я положил ладонь ей на висок. Не подумал. Просто хотел убрать прядь. И увидел, как у неё на секунду остановился взгляд. Как она вздрогнула — не от меня, а от чего-то внутри себя. «Просто не выспалась», — сказала она.

Я тоже так говорил. Пять лет подряд.

Я убрал руку с руля и потёр лицо. Девять дней. За девять дней мне нужно было узнать, что она помнит. Я мог бы просто спросить. Она бы, может быть, даже ответила.

Но я сам придумал правило номер четыре. Аркадий Львович бы этого не оценил.

* * *

Телефон завибрировал, когда я въезжал в город. Я посмотрел на экран на светофоре — и не сразу понял, что вижу.

Вера.

Мы не переписывались пять лет. После похорон, которых не было, после поисков, которые ничем не кончились, после того как она однажды сказала мне прямо в лицо: «Ты был его лучшим другом, и ты врёшь мне. Я это вижу», — после этого мы не разговаривали ни разу. Я удалил её номер. Она мой, видимо, нет.

«Привет, Крис. Ты слышал трейлер, я знаю. Ты следующий в моём списке. Запишемся в четверг?»

Пауза. Три точки. Она печатала. Сзади засигналили — светофор давно горел зелёным. Я не двигался.

«И приводи свою новую девушку. Сониту. Нам всем троим есть о чём поговорить».

Глава 6

Сонита

Мне снилось стекло.

Не павильон, не вода, не люди — только стекло. Огромное, холодное, мокрое, оно было везде: под ладонями, перед лицом, за спиной. Я пыталась найти в нём дверь и не могла. А по ту сторону кто-то стоял. Я видела только силуэт и белый свет вокруг него, такой яркий, что болели глаза.

Потом стекло треснуло. Звук был тихий, почти нежный — так трескается тонкий лёд под ботинком. И сразу за ним — чей-то крик. Я не знаю чей. Может быть, мой.

Я проснулась в семь утра, мокрая, с бешено колотящимся сердцем. Моника стояла на кровати передними лапами и лизала мне руку. Она всегда так делает, когда мне снится плохое. Как будто знает.

— Всё хорошо, — сказала я ей. — Всё нормально. Это просто сон.

Я сказала это вслух, чтобы поверить. Не помогло.

Я села и долго смотрела на свою правую ладонь. На ней есть шрам — тонкая белая полоска поперёк, от основания большого пальца почти до мизинца. Я знаю его столько, сколько себя помню. Мама говорила, что я порезалась на даче о разбитую банку, когда была маленькой. Я никогда не сомневалась. Зачем сомневаться в маме и в банке?

А сейчас сидела и смотрела на этот шрам так, будто видела его впервые. И не могла вспомнить ни дачи, ни банки. Ни одной детали.

Только стекло.

* * *

Злата ворвалась ко мне в одиннадцать с двумя стаканами кофе и таким лицом, будто пришла сообщить о начале войны.

— Ты в курсе, что вы с Ланским во всех чатах? — сказала она с порога, протягивая мне стакан.

— В каких чатах?

— Во всех, Сонь. Во всех.

Она скинула кроссовки, плюхнулась на диван, и Моника тут же забралась к ней на колени. Злату Моника любит. Злата приносит ей кусочки сыра, когда думает, что я не вижу.

— Смотри. — Злата сунула мне телефон.

Фотография была сделана из комнаты, через стекло балконной двери. Немного размытая, с бликами от гирлянды. Я стою у перил с бокалом, повернув голову, и смеюсь. Кристиан рядом, чуть ближе, чем я помнила. Он не смеётся. Он смотрит на меня.

Я не знала, что он так на меня смотрел.

— Кто это снял?

— Понятия не имею. Её запостили в общий чат вечеринки, а оттуда разнесли везде. Под ней уже двести комментариев. Половина — «кто эта девушка», вторая половина — «Ланской наконец-то кого-то нашёл».

— «Наконец-то»?

Злата посмотрела на меня с жалостью, с какой смотрят на человека, который один не знает, что происходит.

— Сонь. Ты вообще знаешь, кто он?

— Кристиан.

— Это я поняла. А дальше?

Я молчала. Дальше я ничего не знала. И по правилам не должна была знать.

— Он Ланской, — сказала Злата. — Его отец — главный по безопасности у Залесских. Ну, у тех самых. Завод в Колпино, деньги, усадьба. Отец того Марка, который пропал. — Она сделала паузу, глядя мне в лицо. — И Кристиан был лучшим другом Марка. Самым лучшим. Они с девятого класса не разлучались. Его на той вечеринке не могло не быть.

Кофе в стакане вдруг показался мне очень горячим. Я поставила его на стол.

— Ты не знала? — тихо спросила Злата.

— Нет.

— Ты же сама была там. Ты его не помнишь?

— Мне было пятнадцать, Злат. Там было сорок человек, все старше меня. Я почти никого не помню.

Это была правда. Почти никого. Я помнила Марка у ворот, который назвал меня «мелкой». Помнила, как Ника плела мне косу в машине. Помнила свет в павильоне. Кристиана я не помнила.

А он меня?

«Мы раньше не встречались?» — «Нет. Я бы запомнил».

Он сказал это сразу. Не задумавшись ни на секунду.

— Слушай, может, это ничего не значит, — сказала Злата, заметив моё лицо. — Ну был он там. Там полгорода было. Он мог тебя вообще не заметить. Ты была ребёнком.

— Да, — сказала я. — Наверное.

— Ты же можешь просто у него спросить.

Не могу, подумала я. У нас правило номер четыре. Никаких вопросов о прошлом. Я сама согласилась на него с таким облегчением, что стыдно вспомнить.

А он предложил его так быстро.

— Сонь?

— Я подумаю.

Злата вздохнула, отставила стакан и пошла в прихожую за зарядкой, которую вечно оставляет у меня. Я услышала, как она там остановилась.

— О, какая красота. — Голос у неё стал мягким. — Птичка. Это что, новое?

Я вылетела в прихожую так быстро, что Моника испуганно спрыгнула с дивана.

Злата держала кулон на ладони, и серебряная птица лежала там, раскинув крылья, будто собиралась взлететь. Злата слышала трейлер. Злата сама мне о нём рассказала. Ей оставалось вспомнить всего одну фразу.

Я взяла кулон с её ладони. Слишком резко. Злата удивлённо подняла брови.

— Ты чего?

— Ничего. Просто он хрупкий. Цепочка рвётся.

— Да я аккуратно. Где взяла? Красивый.

Я сжала кулон в кулаке. Металл врезался в старый шрам.

— Подарок, — сказала я.

— От Ланского? — Злата хитро прищурилась. — Уже подарки? Быстро вы.

Я могла промолчать. Могла сказать «старый» или «не помню». Это было бы почти правдой. Вместо этого я улыбнулась и кивнула.

— От него.

Злата рассмеялась, обняла меня, сказала, что я ненормальная и что она мне завидует, и ушла, оставив после себя запах кофе и чувство, что я только что сделала что-то очень неправильное.

Правило номер пять. Не врать.

Мы договаривались не врать друг другу. Про остальных людей в правилах ничего не было. Я повторила это себе несколько раз, пока стояла в прихожей с кулоном в кулаке. Аргумент был отличный. Он почему-то совсем не помогал.

* * *

Сообщение пришло в два часа дня.

Я сидела на подоконнике с ноутбуком и в четвёртый раз переписывала один и тот же абзац курсовой, не понимая ни слова. Телефон коротко звякнул. Незнакомый аккаунт, без фотографии. Только имя.

Вера Залесская.

Я смотрела на это имя, и у меня медленно холодели пальцы. Сначала пальцы. Как всегда.

«Сонита, здравствуй. Меня зовут Вера, я сестра Марка. Ты, наверное, уже слышала про подкаст.

Я хочу сразу сказать: я ни в чём тебя не обвиняю. Тебе было пятнадцать. Ты была ребёнком на взрослой вечеринке, и взрослые, которые там были, за тебя отвечали. Если кто-то и виноват, то не ты.

Но я думаю, что ты знаешь о той ночи больше, чем помнишь. Так бывает. Я много читала об этом за пять лет.

Мне не нужно интервью. Я не буду ничего записывать без твоего согласия. Мне просто нужно поговорить. Один раз.

Завтра в семь, кафе на Рубинштейна, 23. Я буду за столиком у окна.

Приходи одна.

И, пожалуйста, не говори Кристиану. Я видела фотографию. Я знаю, что вы теперь вместе. Поверь, так будет лучше для тебя».

Я перечитала сообщение три раза. Потом положила телефон экраном вниз и долго смотрела в окно на мокрые крыши.

«Не говори Кристиану».

Почему? Что Вера знает о нём такого, чего не знаю я? И почему её «так будет лучше для тебя» звучало не как угроза, а как предупреждение — тихое, почти заботливое?

Я взяла телефон и набрала: «Почему нельзя говорить Кристиану?» Посмотрела на эти слова. Стёрла. Набрала: «Я ничего не помню. Мне нечего вам рассказать». Стёрла.

В итоге не ответила вообще.

Но и сообщение не удалила.

* * *

Я продержалась полчаса. Потом открыла поиск и набрала «Марк Залесский».

Пять лет я этого не делала. Ни разу. Я не читала новостей о пропаже, не смотрела сюжеты по телевизору, не открывала ни одной статьи. Мама тогда отключила у нас в квартире интернет на две недели, а потом это стало привычкой — просто не смотреть. Не трогать. Как не трогают больной зуб языком.

Новостей было много. «Сын владельца Ижорского металлургического пропал после вечеринки в родовой усадьбе». «Поиски Марка Залесского продолжаются». «Водолазы обследовали дно водохранилища». Потом новостей становилось меньше, заголовки — короче. Последняя статья вышла через год: «Дело Залесского приостановлено».

Я пролистала до фотографий.

Марк на выпускном. Марк на яхте, загорелый, щурится от солнца. Марк с Никой — у меня сжалось сердце: Ника на этой фотографии была совсем другой, лёгкой, смеющейся, с распущенными волосами. Я забыла, что она умела так смеяться.

И на каждой фотографии у Марка на шее висела серебряная птица.

Я увеличила одну из них, пока птица не заняла весь экран. Те же раскрытые крылья. Та же тонкая цепочка. Тот же крошечный скол на левом крыле, который я сто раз нащупывала пальцем, сама не зная зачем.

Потом нашлась ещё одна фотография. Школьная, групповая, сделанная, судя по всему, на последнем звонке. Человек двадцать в белых рубашках, с лентами через плечо. Марк в

центре, раскинул руки, обнимает сразу троих. А справа от него, на полшага позади, стоит худой серьёзный парень с русыми волосами. Он единственный на всей фотографии не смотрит в камеру. Он смотрит на Марка.

Ему здесь лет семнадцать. Лицо мягче, плечи уже, волосы длиннее. Но я узнала бы его где угодно.

Кристиан.

Я долго смотрела на эту фотографию. На то, как он стоит рядом с Марком, — близко, привычно, как стоят рядом с человеком, которого знают всю жизнь. На руку Марка, лежащую у него на плече.

Потом закрыла ноутбук. Очень аккуратно, как закрывают дверь в комнату, где кто-то спит.

* * *

Ника перезвонила в пять.

Я узнала её дыхание раньше, чем голос. Ника всегда сначала дышит в трубку, будто собирается с силами, и только потом говорит.

— Привет, — сказала она. — Прости, что вчера не взяла. Я была на примерке.

— На какой примерке?

— Платья. — Пауза. — Я выхожу замуж, Сонь. В декабре. Я хотела сказать тебе по-другому, лично. Я приеду в пятницу.

Я молчала. Моя сестра выходит замуж, а я узнаю об этом в одном разговоре с подкастом про человека, которого она когда-то любила.

— Поздравляю, — сказала я. — Правда. Я рада.

— Спасибо.

— Ника. Мне написала Вера.

Тишина в трубке стала другой. Плотной, как вода.

— Что она хочет?

— Встретиться. Завтра.

— Не ходи.

— Почему?

— Сонита. — Ника редко называет меня полным именем. Только когда очень злится или очень боится. — Не ходи к ней. Пожалуйста. Она не понимает, что делает. Ей кажется, что она ищет правду, а она просто разбередит всё заново. Всем будет только хуже.

— Ника, что случилось той ночью?

— Ничего. Марк пропал. Ты сама знаешь.

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Я проснулась в саду в чужой куртке. Ты плакала. Потом мы пять лет об этом не говорили. Это всё, что я знаю.

— Этого достаточно.

— Мне — нет.

Ника долго молчала. Я слышала, как где-то у неё за спиной играет музыка и кто-то смеётся. Чужая московская жизнь, в которой нет места ни павильону, ни мне.

— И ещё, — сказала она наконец совсем другим голосом, тихим и очень усталым. — Держись подальше от Ланского.

У меня перехватило дыхание.

— Откуда ты…

— Фото уже у всех, Сонь. Мне его скинули трое. — Она помолчала. — Держись от него подальше. Я тебя прошу.

— Почему?

— Потому что я так прошу. Разве этого мало?

— Ника, ты что-то знаешь.

— Я знаю, что тебе было пятнадцать и что ты ни в чём не виновата. — Голос у неё дрогнул. — Ни в чём, слышишь? Запомни это. Остальное не важно.

Она отключилась раньше, чем я успела ответить.

Я сидела с телефоном в руке и слушала тишину. Ника сказала: «Ты ни в чём не виновата».

Я никогда не говорила, что считаю себя виноватой.

Я вообще никогда об этом не думала. До этой секунды.

* * *

Маме я позвонила сама. Сразу после Ники, пока не успела передумать.

— Сонечка! — Мама всегда радуется моим звонкам так, будто я звоню из армии. — Как ты? Как Моника? Ты ешь нормально?

— Мам, у меня вопрос. Странный.

— Какой?

— Где я порезала руку? Ладонь. Правую.

Пауза была короткой. Совсем короткой, на полвдоха. Но я её услышала.

— На даче, солнышко. О банку. Ты была маленькая, полезла в сарай, а там…

— Сколько мне было?

— Лет семь. Или восемь. Ой, я уже не помню. А что случилось? Ты что, опять порезалась?

— Нет. Просто вспомнила.

Мама рассказывала эту историю всегда одинаково. Дача, сарай, банка. Те же слова в том же порядке. Раньше мне это нравилось — так рассказывают сказки, которые любят. Сейчас это звучало как текст, который человек выучил наизусть и боится сбиться.

— Тебе Ника звонила? — спросила мама слишком бодрым голосом. — Про свадьбу?

— Звонила.

— Ну вот. Радость какая. Ты будешь подружкой невесты, она тебе скажет. Мы с папой уже…

— Мам. Ты слышала про подкаст?

Мама замолчала. Я слышала, как на её кухне тикают часы, — те самые, с кукушкой, которые папа так и не починил.

— Не слушай ты этот подкаст, — сказала она наконец, совсем тихо. — Вера всегда была странной девочкой. Ей нужно было показаться врачу ещё тогда. Горе делает с людьми страшные вещи.

— Мам, я просто…

— Сонечка, пожалуйста. У нас всё хорошо. У Ники свадьба. У тебя учёба. Не надо ничего ворошить. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я.

Мы поговорили ещё пять минут о погоде, о папином давлении и о том, что мне надо купить нормальные зимние сапоги. Потом попрощались.

Я положила телефон и посмотрела на шрам.

Ника сказала: «Не ходи». Мама сказала: «Не надо ворошить». Вера сказала: «Не говори Кристиану».

Все вокруг очень хотели, чтобы я чего-то не делала. Никто не хотел объяснить, почему.

* * *

К восьми вечера квартира стала невыносимой. Я перемыла всю посуду, переложила вещи в шкафу, дважды перечитала сообщение Веры и трижды — правила в заметках. Шесть строчек. Я придумала их, чтобы мне было легче. Вчера они казались мне защитой. Сегодня они казались мне клеткой, дверь в которую я заперла сама.

Я написала Кристиану: «Ты занят?»

Ответ пришёл через минуту, как будто он держал телефон в руке:

«Нет».

«Приезжай. Погуляем с Моникой».

Пауза. Три точки появились и исчезли. Появились снова.

«Буду через двадцать минут».

Он приехал через пятнадцать. Я спустилась с Моникой, и он стоял у подъезда, без шапки, засунув руки в карманы пальто. Лицо у него было усталое, под глазами тени. Он улыбнулся, но в этот раз улыбка далась ему с трудом. Я видела, как он её надевает. Медленно, как человек, у которого болит плечо, надевает куртку.

— У тебя что-то случилось, — сказала я.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, а потом коротко рассмеялся.

— Это моя фраза.

— Теперь моя.

— Ничего не случилось. Тяжёлый день.

Я не стала спорить. Вчера он не стал спорить со мной. Мы квиты.

Мы пошли к Карповке. Моника бежала впереди, деловито обнюхивая каждый столб, и всё время оглядывалась — проверяла, идём ли мы. Вода в реке была чёрной и неподвижной, фонари отражались в ней длинными жёлтыми полосами. Было холодно, пахло прелыми листьями и дымом из чьей-то трубы.

Мы долго молчали. Я думала о том, что рядом со мной идёт лучший друг Марка Залесского. Человек, который был той ночью в усадьбе. Который, может быть, видел меня там — пятнадцатилетнюю, с косой, которую заплела Ника. Который сказал «я бы запомнил» так быстро, будто ответ был у него готов.

Я хотела спросить. Слова стояли в горле, как кость.

«Ты знал Марка?»

«Ты был там?»

«Ты меня помнишь?»

И каждый раз я вспоминала правило номер четыре — и молчала. Потому что если я спрошу, он тоже сможет спросить. А я не знала, что ответить. Я не знала, что я помню. Я не знала, чей был голос, который сказал мне «смотри на меня». Я не знала, откуда шрам у меня на ладони.

Я посмотрела на Кристиана. Он тоже молчал и смотрел на воду. И мне вдруг показалось, что он думает о том же самом.

Два человека, которые договорились ни о чём не спрашивать, идут вдоль чёрной реки и изо всех сил не задают друг другу ни одного вопроса.

— Можно я спрошу кое-что? — сказала я наконец.

Он чуть заметно напрягся.

— Это вопрос о прошлом?

— Это вопрос о тебе.

Он остановился. Моника, почувствовав, что мы отстали, вернулась и села у его ног.

— Спрашивай.

— Ты когда-нибудь терял друга?

Он долго молчал. Так долго, что я решила, что он не ответит. Потом сказал, глядя не на меня, а на воду:

— Да. Терял.

— Давно?

— Это уже вопрос о прошлом, Сон.

Сон. Он сказал это так легко, словно звал меня так всегда. Я почувствовала, как по спине прошла дрожь, и не смогла понять, от холода или от этого слова.

— Прости, — сказал он. — Сонита.

— Ничего. — Я сглотнула. — Мне нравится.

Это была правда. Мне нравилось. И это пугало меня гораздо больше, чем всё, что Злата рассказала про него утром.

Он взял меня за руку. Пальцы у него были ледяные — впервые за всё время. Обычно у него тёплые руки. Я сжала их, и мы пошли дальше.

* * *

У подъезда он остановился.

— Поехали завтра за город, — сказал он вдруг.

Я посмотрела на него.

— Куда?

— Не знаю. Куда угодно. В Выборг, в Зеленогорск, к заливу. Просто уехать из города на день.

— Это «потом», — сказала я. — Правило номер один.

— Я знаю.

Он не улыбался и не пытался перевести всё в шутку. Просто стоял и смотрел на меня, и ждал.

Я подумала о сообщении Веры. «Завтра в семь, кафе на Рубинштейна». Я подумала о Нике. «Держись подальше от Ланского». Я подумала о его голосе на набережной, когда он сказал «Сон».

— Поехали, — сказала я. — Только мне нужно вернуться к шести. У меня дела вечером.

— Какие?

— Это вопрос о будущем, — сказала я. — Про будущее у нас правил нет. Но я всё равно не скажу.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовал ответ. Потом кивнул.

— К шести. Договорились.

Он обнял меня. Неожиданно, крепко, одной рукой прижимая к себе за плечи, а другую положив мне на талию, поверх пальто. Я уткнулась носом ему в шею, вдохнула его запах — дым, дождь, что-то древесное — и на секунду забыла про Веру, про Нику, про кулон, про всё.

Он отпустил меня первым. Поцеловал в висок, почесал Монику за ухом и пошёл к машине.

Я смотрела, как он выезжает через вторую арку. В этот раз он не стоял во дворе двадцать минут. Уехал сразу.

* * *

Дома я сняла пальто и по привычке сунула руку в правый карман.

Утром, после Златы, я положила кулон туда. Не захотела оставлять в тарелке у зеркала, на виду. Решила, что пусть лучше будет со мной. Весь день я чувствовала его через ткань — маленький холодный комочек у бедра. На набережной, когда Кристиан держал меня за руку, я помнила о нём каждую секунду.

Карман был пуст.

Я проверила ещё раз. Вывернула его наизнанку. Потом левый. Потом внутренний. Потом сняла с вешалки пальто и потрясла его над полом, как сумасшедшая, пока Моника испуганно пятилась в комнату.

Ничего.

Я взяла фонарик и спустилась вниз. Прошла весь путь до Карповки и обратно — медленно, светя под ноги, заглядывая в каждую лужу, под каждую лавочку, в мокрые листья у фонарей. Моника шла рядом и, кажется, не понимала, что мы ищем. Я и сама уже не очень понимала.

Через час я вернулась домой. Замёрзшая, с мокрыми ногами, с пустыми руками.

Карман был целый, без единой дырки. Сам кулон выпасть не мог.

Я села на пол в прихожей, прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. И вспомнила, как он обнимал меня у подъезда. Неожиданно, крепко. Одной рукой за плечи.

А другой — на талии. Там, где карман.

Последним, кто касался моего пальто, был Кристиан.

Глава 7

Кристиан

Птица лежала у меня на ладони и была тёплой. Она нагрелась у неё в кармане за целый день.

Я сидел на полу в своей комнате, прислонившись спиной к кровати, и не включал свет. Только фонарь за окном и полоска из-под двери, где на кухне опять сидел отец. Я слышал, как он ходит, как ставит чайник и забывает его выключить. Мы оба делали вид, что не знаем, что другой не спит.

Это не было ложью. Ложь — это когда говоришь. Я ничего не сказал. Я просто обнял её у подъезда, положил руку ей на талию и забрал из кармана то, что ей не принадлежало.

Это было хуже лжи. Я это понимал.

Я заметил ещё на набережной. Она весь вечер держала правую руку в кармане и время от времени сжимала там что-то — так держат ключи, когда идут ночью через тёмный двор. Один раз, когда Моника рванула за кошкой, Сонита выдернула руку, и я увидел, как блеснула цепочка между пальцами. Она тут же спрятала её обратно и даже не заметила, что я смотрю.

Она носила её с собой. После трейлера. После того как Вера на весь город рассказала, что ищет эту птицу.

Если бы Злата увидела, если бы увидел кто-то из её однокурсников, из тех, кто был в Колпино, кто сейчас слушает подкаст и пересылает друг другу фото с балкона, — всё. Двух фактов достаточно. Девочку нашли в десяти метрах от павильона. У девочки кулон Марка. Никто не стал бы разбираться дальше. Ни Вера, ни полиция, ни интернет.

Я не мог этого допустить.

Я повернул птицу к свету. На левом крыле — маленький скол, острый, будто откусили край. Я знаю, когда он появился. Я был там.

Я убрал её в коробку из-под дедовых часов, в нижний ящик стола, под старые конспекты. Часов в коробке давно нет: отец продал их в тот год, когда ушла мама. Пустая коробка с бархатной подкладкой. Ей подходит.

Потом я лёг на кровать, не раздеваясь, и до утра смотрел в потолок.

Завтра я повезу её за город. Сам предложил. Нарушил первое правило, хотя мог промолчать. Мы проведём вместе целый день, и она будет знать, что кулона нет. А я буду знать, что он у меня. И мы оба будем молчать.

Хороший план. Почти как у нормальных людей.

* * *

В восемь утра я позвонил Яну. Он взял трубку с пятого гудка и сказал хриплым голосом всё, что думает обо мне и о людях, которые звонят в такую рань.

— Фотография, — сказал я. — С балкона. Ты сказал, тебе её скинули. Кто?

— Крис, я сплю.

— Кто, Ян?

Он долго молчал. Я слышал, как он садится на кровати, как щёлкает зажигалка.

— Я тебе вчера не всё сказал, — произнёс он наконец. — Мне её переслали из общего чата той вечеринки. Но в общий чат её закинула не хозяйка и не кто-то из гостей. Её закинул аккаунт без аватарки. Без имени, только набор букв. Я посмотрел — его создали за неделю до вечеринки. И он больше ничего никогда не писал. Только это фото. В три сорок ночи.

В три сорок ночи мы с Сонитой стояли на балконе вдвоём. Все остальные были внутри.

— Кто-то снимал вас из комнаты, — сказал Ян. — Специально. И выложил сразу, пока вы ещё там стояли. Крис, тебе не кажется, что это немного…

— Кажется.

— Это Вера?

— Не знаю.

Я правда не знал. Вера могла. Вера за пять лет научилась многому — я видел трейлер, я слышал её голос. Но Вера никогда не пряталась. Она подписывала всё своим именем, даже угрозы.

А тот, кто прячется за набором букв, — это кто-то другой.

— Будь осторожен, — сказал Ян.

— Ты повторяешься. Отец недавно сказал то же самое.

— Значит, мы оба правы.

* * *

Я заехал за ней в десять. Она вышла с Моникой на руках.

— Она поедет с нами, — сказала Сонита тоном, который не предполагал обсуждения. — Я не оставлю её одну. После шоколада — нет.

— Я и не спорю.

— Ты хотел поспорить. Я видела.

— Я хотел спросить, взяла ли ты для неё воду.

Она посмотрела на меня, потом на сумку у себя на плече, потом снова на меня.

— Взяла.

— Тогда поехали.

Моника устроилась на заднем сиденье так, будто ездила в этой машине всю жизнь, вздохнула и сразу уснула. Сонита села рядом со мной, пристегнулась и отвернулась к окну.

Она была другой. Я понял это сразу, ещё у подъезда. Накрашена меньше, чем позавчера, — без стрелок, без тёмной помады. Волосы собраны в небрежный хвост. Свитер, джинсы, старые ботинки. Она выглядела моложе. И очень уставшей. Под глазами тени, как будто она тоже не спала.

Она не спала, конечно. Я догадывался почему.

Мы выехали на Приморское шоссе. Город редел, дома становились ниже, между ними появились сосны. Я включил музыку — что-то спокойное, без слов. Сонита молчала минут двадцать. Потом сказала, не поворачивая головы:

— Куда мы едем?

— В Выборг.

— Почему в Выборг?

— Потому что до Выборга два часа. Достаточно далеко, чтобы почувствовать, что уехал. И достаточно близко, чтобы вернуться к шести.

Она кивнула. Я видел краем глаза, как её правая рука лежит на колене. Пальцы время от времени сжимались, будто по привычке искали что-то в кармане, которого не было.

— Я вчера потеряла одну вещь, — сказала она вдруг.

Я не повернул голову. Смотрел на дорогу. Руки на руле — ровно, спокойно. Никогда не дрожат.

— Важную?

— Не знаю. — Пауза. — Наверное.

— Найдётся.

Семь.

Она ничего не ответила. Просто продолжила смотреть в окно. И мне показалось — а может, я себе это придумал, — что она ждала от меня другого ответа. Что она дала мне шанс. Маленький, незаметный, как приоткрытая дверь.

Я этот шанс не взял.

* * *

Выборг встретил нас дождём. Не ливнем — мелкой серой моросью, которая висела в воздухе и не падала, а как будто стояла на месте. Крыши старого города были тёмными от влаги, брусчатка блестела, в окнах кафе горел жёлтый свет.

Мы долго ходили по узким улицам, не выбирая направления. Моника бежала впереди на длинном поводке и тщательно обнюхивала каждый средневековый камень, будто проверяла его подлинность. Сонита постепенно оттаивала. Сначала перестала держать руки в карманах. Потом начала смотреть по сторонам. Потом засмеялась — коротко, неожиданно, когда Моника попыталась отобрать булку у голубя и голубь победил.

Я поймал себя на том, что жду её смеха. Что выбираю улицы, где есть что-нибудь, что может её рассмешить. Что смотрю на её лицо чаще, чем на дорогу.

В кофейне у крепостной стены мы взяли глинтвейн и сели у окна. Сонита обхватила стакан обеими руками и долго смотрела на башню за стеклом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.